

Я всегда считал, что человеческая судьба предрешена: либо тебя продадут, либо ты умрешь за кого-то, и воля никогда не принадлежит тебе самому. Со временем у меня стерлось само понятие жизни и смерти — я знал лишь то, что ветер бывает холодным, кровь — ледяной, а прощания — обыденными.

Я до сих пор помню, как возвращался с одного задания. Густой дым сражения нанес мне немало ран. Из тех, кто отправлялся со мной в путь, вернулись лишь кое-как, а большинство так и остались там, и некому было предать их кости земле.

Земля была пуста и бесплодна. Когда рассеивался пороховой дым, не оставалось ничего — никто не помнил, что они здесь жили, и никто не помнил, где они нашли свою смерть.

Я стоял в толпе возвращавшихся бойцов. На мне были новые раны, а в сердце царила мертвая тишина. Я уже оцепенел.

Мне не хотелось жить, поэтому каждое задание я выполнял с отчаянным упорством. Все думали, что я стремлюсь подняться выше, что хочу прочно встать на ноги в этой земле убийств, и лишь я один знал, что мне просто опротивела жизнь.

В моей жизни было место лишь купле и продаже, у меня никогда не было собственного выбора. Умереть раньше или позже — для меня не было никакой разницы.

Боль уже давно перестала быть мучением, сама жизнь превратилась в долгую пытку.

Я в очередной раз отказался от лечения, и барышня-лекарь рассердилась.

Она схватила меня за руку и накричала на меня. Я впервые видел нежную и мягкую барышню-лекарь в таком гневе и от неожиданности даже немного растерялся.

Заметив мое состояние, она отвернулась, украдкой протерла глаза, а затем тут же развернулась и крепко обняла меня, стараясь осторожно не задеть мои раны, и легко похлопала меня по спине.

Как описать это ощущение? Словно мать, что тихонько нащёптывает что-то ласковое и нежными движениями укачивает младенца.

У нее было очень теплое на груди. Прижавшись ко мне, она излучала жар, от которого мое сердце защемило от странного зуда. У меня не было матери — точнее, когда-то была, но она рано оставила меня, родив младшего брата. Наверное, мать и должна дарить такое чувство.

Я попытался осторожно обнять ее в ответ, уткнувшись лицом в ее теплую шею. От барышни-лекаря слегка пахло сухостью — помимо запаха дезинфицирующего средства, от нее веяло въевшимся в меня запахом порохового дыма.

Я крепко прижал ее к себе и глухим, с трудом сдерживаемым голосом, в котором проскользнула едва уловимая дрожь, произнес:

— Я больше не буду отказываться от лечения, не сердитесь.

За всю свою жизнь я изведаль побоев и холода, видел поля, усеянные трупами, слышал крики умирающих, но еще никто и никогда не злился на меня за то, что я не берегу себя. Всех волновало лишь то, смогу ли я сражаться, смогу ли продавать свою жизнь. И только она одна вышла из себя из-за моего пренебрежения к собственной жизни.

Сестрица-лекарь обняла меня еще крепче, и я почувствовал, как мое плечо стало влажным. Она плакала? На сердце вдруг стало горько и в то же время удивительно мягко — такого чувства у меня еще никогда не было.

Я прожил так долго, перенес столько презрения и попрапия, моя боль никому не была нужна, моя жизнь и смерть никого не волновали. Впервые кто-то отнесся ко мне с такой искренней заботой. Наверное, это означало, что барышня-лекарь мне очень нравится.

Я мысленно и униженно шептал: умоляю вас, не бросайте меня снова.

Я видел, как от меня уходили все: товарищи умирали, родные исчезали, а судьба неизменно швыряла меня во всё более глубокую темноту. Я не боялся трудностей, не боялся проливать кровь, я боялся лишь того, что эта крошечная искра нежности, упавшая на мою никчемную жизнь, в конце концов тоже выскользнет из рук и уйдет.

Оказывается, человек хочет жить вовсе не потому, что не боится смерти, а потому, что в его сердце наконец появляется то, с чем невозможно расстаться.

Поэтому, барышня-лекарь, вы мне немного нравитесь. Пожалуйста, постарайтесь не разжимать рук — по крайней мере, не выпускайте из рук меня, ведь ради вас я хочу жить.

<http://bllate.org/book/21192/2145556>